

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

К.Д. КАВЕЛИН ОБ УНИВЕРСИТЕТАХ: В ПОИСКАХ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.124

Заграничные поездки русского историка и общественного деятеля второй половины XIX века К.Д. Кавелина рассмотрены как проявление академической мобильности и, одновременно, как поиск научной и образовательной идентичности. Изучая деятельность французских, немецких, швейцарских университетов, Кавелин стремился собрать материал, способный обогатить традиции российских университетов. Сделан вывод о том, что полученные сведения русского ученого-посланника оказались важными в нескольких перспективах. Во-первых, взгляд со стороны позволил обнаружить новые научные и образовательные формы университетской деятельности. Во-вторых, близкое знакомство с зарубежными коллегами помогло обрести чувство принадлежности к научному и профессорскому сообществу. В-третьих, взгляд изнутри способствовал критической переоценке ранее заимствованных представлений.

Ключевые слова: *К.Д. Кавелин, наука, образование, идентичность, заграничные поездки, университет.*

Концепт идентичности сегодня часто артикулируется в научных и профессиональных сообществах. Философы воспринимают идентичность как результат рефлексии ценностно-смыслового ядра жизни и деятельности человека и социальной группы. Психологи называют идентичность базовой антропологической характеристикой в пирамиде человеческих потребностей. Культурологи воспринимают концепт «идентичность» как едва ли не универсальный «объяснительный принцип» социально-гуманитарных проблем современного мира. Идентичность – результат идентификации. Главными аспектами этого процесса являются, во-первых, поиск в нарративе «другого» ценностных представлений и сопоставление их со своими установками; во-вторых, овладение чувством принадлежности и привязанности к «другому». Формально в качестве «другого» может выступать как отдельный индивид, так и социальная группа, и сообщество в целом. Поиск идентичности ведется, как правило, по разным направлениям. В зависимости от того, на какой вопрос идет ответ, выделяют личностную идентичность («кто я?»), социальную («кто я в социуме?»), гендерную («каковы мои ощущения в качестве мужчины/женщины?»), дискурсивную («как и с кем я говорю?»), ценностную («что для меня важно?») и т. д.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Университетская философия в Санкт-Петербурге: опыт просопографического исследования» № 20-011-00071.

Цель данной статьи – рассмотреть способы обретения научной и образовательной идентичности профессорами университетов России второй половины XIX в. В частности, для изучения вопроса выбраны события, связанные с созданием университетского устава 1863 г. Начальный сюжет выглядит следующим образом. Министр народного просвещения А.В. Головнин, справедливо озабоченный необходимостью реформы высшего преподавания в России, ищет подготовленного человека для командировки по европейским университетам. Выбор падает на Константина Дмитриевича Кавелина. Это был профессор, хорошо знавший университетскую «кухню» изнутри, историк права, общественный деятель, полиглот и, что немаловажно, человек с личными связями в высшем свете. Все его компетенции пришлось как никогда кстати при выборе посланника России и говорили сами за себя. По природе любознательный, с открытым умом и отчетливой гражданской позицией, Кавелин согласился с предложением Головнина. Согласно способствовали также мотивы, связанные с частной жизнью. Дело в том, что в знак протеста против административного притеснения студентов, в октябре 1861 г. Кавелин оставил профессорскую должность в Петербургском университете и стал жить «вольным» ученым. Беды, к сожалению, умеют группироваться: внезапно умер 15-летний сын Кавелина. Так фигурально сошлись в одну точку служебные и личные мотивы. Принимая предложение министра, Кавелин был рад внезапному поручению, он надеялся уйти с головой в работу, сменить обстановку, чтобы забыться.

Практика служебной командировки по России и другим странам для обмена опытом была не новой, а наоборот, имела уже своих адептов. Например, великий князь Константин Николаевич считал нужным и важным отправлять критически мыслящих людей с «особым поручением» по России и Европе для исследования быта, традиций и экономического положения народов разных местностей. Незадолго до этого и сам Кавелин привлекался к подобной просветительской деятельности. Именно через Головнина великий князь обращался к нему с просьбой представить свои соображения о мерах по улучшению положения крепостных крестьян в России [7, с. 29].

Настоящая служебная командировка была организована как «изучение современного состояния западноевропейских университетов» [7, с. 26]. В феврале 1862 г. Кавелин выехал из Петербурга и до конца 1864 г. жил и работал во Франции, Швейцарии и Германии. В ранее написанной статье о заграничных поездках Кавелина подробно рассмотрены взгляды посланца русской науки на организацию немецких и швейцарских университетов. Был сделан вывод о том, что заграничные поездки Кавелина во многом положили начало межкультурному диалогу ученых. Отмечена социальная значимость поездок Кавелина по европейским университетам. Его отчеты для правительства и аналитические статьи об устройстве университетов, размещенные в открытом доступе, вызвали общественный резонанс, вовлекая все новых людей в разговор о значимости науки и высшего образования в России [8, с. 57].

В течение марта – октября 1862 г. Кавелин изучал организацию высшего образования во Франции. Результатом его занятий в Париже стали две статьи, напечатанные по распоряжению министра Головнина в «Журнале Министерства народного просвещения», – «Об организации учебной части во Франции» и «Очерк Французского университета». Уже в этих первых статьях бросается в глаза дискурсивная особенность автора: он задается вопросами ценностного характера «что важно?», «в чем смысл?». Эти же вопросы, прямо или косвенно, будут звучать и в последующих статьях, таких как «Свобода преподавания и учения в Германии» (1862), «Замечания на проект общего устава императорских российских университетов» (1862), «Устройство и управление немецких университетов» (1864) и др. Можно оформить мысль о том, что Кавелин не

просто описывал деятельность европейских университетов, а нащупывал общие точки научной и образовательной идентичности.

Рассмотрев политику и механизм внутреннего управления французских высших школ (так стали именоваться университеты после Французской буржуазной революции – *авт.*), Кавелин пришел к внешне безотрадным выводам. Французская революция бездумно разрушила традиции средневековых корпоративных организаций. Университеты были реорганизованы в отдельные высшие школы и факультеты и сориентированы главным образом на практические запросы современности. «Мы видим, что случилось с наукой во Франции, где требование, чтобы наука обратилась в практическую, укоренилось в учебных заведениях и в общественном мнении», – пишет Кавелин [5, с. 22].

Главной ошибкой французского учебного законодательства Кавелин считает отказ от свободы учения и на этом фоне внедрение принудительной системы с ее триадой «поощрение, предупреждение и наказание». Наука во Франции перестает быть серьезным делом, свободная мысль начинает стремительно терять всякий авторитет, уступая место регламентированному действию. Встав на этот путь, Франция, рассуждает Кавелин, уничтожает у себя университетское преподавание и науку. Мыслитель улавливает в этом культурный диссонанс: формализация и рутина вступают в противоречие с французским умом, «от природы подвижным, ясным и смелым» [3, с. 220].

Посещая университеты, Кавелин особо интересовался вопросами о правах профессора и студента, о пределах свободы их мысли и действий. Так, по его наблюдениям, в немецких университетах свобода профессора была очевидной. Она выражалась в том, что лектор сам определял проблематику своего курса и количество лекционных часов [5, с. 29–30]. Во Франции дело обстояло с точностью до наоборот. Во всех учебных заведениях были введены единые программы обучения. По закону о высшем образовании профессор не мог выбрать даже методику преподавания и должен был держаться той, которая предписана. Такая унификация явно не способствовала свободе мнений и действий. Кавелин образно описывает ситуацию, когда министр образования Франции, не выходя из своего кабинета, всегда точно знает, что и как читается в любом колледже страны [4, с. 73].

Права и свободы немецких студентов выражались в том, что они могли учиться в университете под руководством любого профессора и приват-доцента, а студенческие сообщества разрешались ректоратом университета. В Швейцарии власти пошли еще дальше: студенты получили право на организацию своих сообществ сразу на уровне государства. При этом, отмечает Кавелин, молодые люди придерживались убеждений в том, что им не следует вмешиваться в политику. По наблюдениям Кавелина, швейцарские и немецкие студенты проводили, как правило, свое время за чтением сочинений классиков или в интеллектуальных беседах. «В этом отношении Германия и Швейцария представляют пример удивительной гражданской и общественной зрелости, внушающей глубокое уважение», – пишет Кавелин [5, с. 32].

Вопрос о границах свободы обучения резко отличает немецких и швейцарских студентов от их французских собратьев. Первые могли слушать лекции на выбор, сколько угодно и в каком им захочется порядке, на одном из четырех факультетов – богословском, юридическом, медицинском или философском [6, с. 110, 154]. Как правило, контроль знаний проводился в конце обучения: студент сдавал экзамен или на научную степень, или на право поступить на службу. Исключение составляли студенты богословских факультетов и медики, где экзамены были чаще. Французские же студенты должны были слушать предметы, назначенные руководством университета и профессорами, строго по расписанию, и держали экзамен по окончании каждого курса. Сообщества студентов были запрещены, потому что считалось, что «свобода мнений и

преподавания может послужить предлогом и средством для пропаганды политических партий» [3, с. 219].

Заметим, что схожими аргументами, вопреки посылам Кавелина, воспользовались и авторы университетского устава 1863 г. в России. Студенческие советы были не только запрещены, но и вводилась целая система ограничений. Например, студентам и вольным слушателям лекций запрещалось: выражать одобрение и порицание преподавания; собираться в стенах университета для иных, кроме учебных, целей; составлять прошения и собирать подписи против университетских законов и постановлений. В качестве наказания прописывались такие формы (по нарастающей): замечание, выговор, арест, временное отстранение от занятий, увольнение из университета с возможностью восстановиться или перейти в другой вуз, наконец, исключение из университета без права продолжения обучения где бы то ни было [2, с. 232].

Кавелин критикует тактику российских чиновников, взятую у французов, ужесточать регламентацию жизни университета. «Французский путь, которому мы так усердно подражаем, есть заколдованный круг, в котором, как ни вертись, из анархии фраз, пустого либерализма и действительного рабства не выберетесь» [7, с. 36]. Он радуется за легитимацию студенческих обществ в университетах. Тот факт, что в России они запрещены, вынуждает их сбиваться «в одну густую массу недовольных, с некоторыми самозванцами-крикунами во главе» [4, с. 79]. Между тем самодеятельные общества могут оказаться полезными и для координации работы ректората со студенчеством, и для воспитания гражданского самосознания молодых людей. Кавелин выдвигает четыре аргумента в пользу создания студенческого самоуправления. Во-первых, университетское начальство будет иметь дело не со всей массой бунтующих студентов, а с выборщиками, способными удерживать порядок. Во-вторых, надзорной службе будет легче следить за организованными в группы студентами, чем за каждым в отдельности. В-третьих, внутри студенческого сообщества могут постепенно вызревать представления о достоинстве и самодисциплине. В-четвертых, в случае нарушения порядка в группе легче обсуждать проступки и вести поиск виноватых [4, с. 80–81]. К сожалению, столь убедительные аргументы не возымели своего действия, в новом университетском уставе 1863 г. организации студенческих сообществ были запрещены. Дальнейшая практика показала, что это было явной ошибкой правительства, т. к. работа студентов в группах по интересам (научным, религиозным, историческим и т. д.) отвлекала бы их от пустых бунтов и лозунгов, а следовательно, минимизировала бы радикальные настроения.

Изучение работы высших школ Франции психологически далось Кавелину нелегко. Находясь в Париже, он был подавлен одиночеством и горем утраты сына, все вокруг ему виделось в черном свете. Не исключено, что субъективными причинами объясняется столь негативная оценка системы высшего образования Франции. Следует учитывать также умеренно-монархические убеждения Кавелина, его явную неприязнь даже к самой мысли о возможности революционных разрушений. Подавленное состояние усугублялось еще и тем, что с родины доносились тревожные вести об усиливающейся радикализации общества, о волнениях в Польше. «Кавелин, по свойству своей психической природы, впечатлительный и на все отзывчивый, не мог, разумеется, оставаться безучастным зрителем происходившего вокруг него», – пишет Корсаков [7, с. 33].

В Париже Кавелин чувствует себя одиноким, скучает от отсутствия родных и близких людей. Личное горе переплетается с самодисциплиной и пониманием меры ответственности за порученное дело. Этот симбиоз производит внезапный эффект в его интеллектуальном и психическом состоянии. Наступает умозрительный перелом, уровень критического мышления поднимается настолько высоко, что открывается «новое

зрение». Кавелин начинает пересматривать свои былые восторженные оценки французской жизни. Прямо пишет своему давнему другу А.Д. Галахову о вреде нерелективного заимствования: «Я в Париже с 10-го марта и не могу из него выбраться по сию пору. Между тем, едва ли где полезнее изучение устройства учебной части для нас, русских, как во Франции. Вы здесь видите глазами, ощупываете пальцами, в самом источнике, то зло, которым мы страдаем. У нас оно заслонено нашей непоследовательностью, тем, что мы молоды-зелены, что мы только подражаем, что у нас это зло не родовое, а благоприобретенное...» [7, с. 35]. Та же мысль звучит и в письме к К.К. Гроту: «И так я был доволен, что нимб, скрывающий от нас (русских) действительное положение Франции, для меня исчез, повязка спала с глаз. Кроме того, я был очень рад другому открытию: множество плохого у нас скопировано буквально с французского» [7, с. 36].

Впоследствии о подобной переоценке ценностей напишет, сам будучи эмигрантом, В.В. Зеньковский. В своей работе «Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей» (1955) он отметит, что погружение в будничную жизнь народа, которым когда-то восторгался, довольно быстро рассеивает пелену обаяния. Из наблюдений Зеньковского читаем: «Все больше находится людей, объехавших Европу и вернувшихся домой – не только физически, но и духовно: создается возможность критики европейской культуры, как таковой, критики, свободной от политических тревог, от непосредственного ужаса перед французской революцией...» [1, с. 27–28].

Однако вернемся к Кавелину, охваченному новыми ощущениями «прозрения». Он покидает Париж, когда-то любимый, а теперь «ненавистный и омерзительный» [7, с. 32]. И едет на встречу с семьей в немецкий город-курорт Эмс. Планируемая быть короткой, эта встреча растягивается на месяц из-за случившейся с Кавелиным лихорадки. После болезни для восстановления сил он с женой и дочерью едет в Карлсруэ, город, стоящий на реке Рейн, недалеко от француско-германской границы. Здесь его посещают два добрых друга – Егор Петрович Ковалевский, горный инженер, коллега по департаменту иностранных дел, председатель русского общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, а также Борис Исакович Утин, профессор Петербургского университета, вышедший в отставку вместе с Кавелиным в октябре 1861 г. Друзья рассказывают ему о недружелюбном отношении правительственных сфер к публицистам и писателям, о революционном брожении в Польше, перебирают самые разные столичные новости.

Встреча с семьей и друзьями, курортное лечение и выздоровление – все это оказывает на Кавелина целительное воздействие. Чувствуя подъем сил и душевное облегчение, в письме А.Д. Галахову он прямо именуется городок Карлсруэ как «Карлов покой» [7, с. 39]. А баронессе Э.Ф. Раден признается: «Карлсруэ действует на меня необыкновенно успокоительно. После России и Франции здесь впервые морщины на лбу распрямились, на душу повеяло покоем, которого я так ищу, который мне так нужен. Может быть, окончив поручения Головнина, поселюсь здесь. Работать можно отлично, гулять тоже, а главное – удивительно тихо» [7, с. 40].

С новыми силами Кавелин берется за дело и обнаруживает положительные стороны в организации учебных заведений Франции. На его взгляд, замечательными образцами прикладных наук и преподавания являются технические школы страны. В их числе – политехнический институт, центральная школа и промышленная консерватория в самом Париже, а также три школы мастерства и ремесел в Анжере, Эксе и Шалоне на Марне. Организация технических школ – это очевидный и верный ответ правительства на запрос времени. В перспективе их число должно расти во всех странах. Главной проблемой на сегодняшний день, отмечает исследователь, остается

разбросанность этих учебных заведений по разным ведомствам. «Тот же самый недостаток существует, к сожалению, и у нас», – констатирует Кавелин [3, с. 222].

Выводы. Данная статья начиналась с суждения о том, что процесс научной и образовательной идентичности нарративно нацелен на поиск «другого». Посмотреть на «другого», как известно, можно с трех ракурсов: «извне», «внутри» и «изнутри». «Извне» – это взгляд со стороны, т. е. взгляд прямого соседа, со всеми вытекающими из этого последствиями, или взгляд человека, реализующего свой интерес к данной культуре. «Внутри» – это взгляд временно присутствующего в стране человека, например, делового посланника, гостя, путешественника или работника. «Изнутри» – это взгляд того самого «другого», обращенный на самого наблюдателя. По аналогии напрашивается форма репрезентации Н. Лумана – «наблюдатель наблюдателя». Мысль о важности изучения «другого» извне, со стороны хорошо оформлена у А.В. Малинова и А.Е. Рыбаса. Рецензируя монографию о философах эмиграции, они пишут: «Отметим, что философы-эмигранты, а также зарубежные исследователи внесли значительный вклад в историко-философское изучение современной русской мысли. Возможно, взгляд «со стороны» более объективен и позволяет им зафиксировать и систематизировать основные идеи в потоке текущих идей [9, с. 211–212].

Взгляд Кавелина на науку и университетское образование в Европе вписывается, как видим из вышесказанного, во второй способ поиска идентичности. Это – взгляд человека, временно присутствующего «внутри» другой культуры. Изучая науку и устройство европейских университетов, Кавелин примерял их достижения и ошибки на отечественные традиции. Результатом его зарубежных поездок стала разработка практических предложений, часть из которых вошла в окончательный проект нового университетского устава 1863 г. Академически сориентированный, Кавелин явно одобрял немецкие традиции высшего образования и их восприятие российскими университетами. Примером тому служит система работы четырех факультетов: богословского, юридического, медицинского и философского, а также право факультетов присваивать ученую степень. Устройство французских высших школ, на взгляд Кавелина, вряд ли пока представляет образец, достойный подражания. Он сожалеет, что российские университеты перенимают у французов жесткую регламентацию жизни не только студентов, но и профессоров, а также берут курс на практическую направленность науки.

В ходе поездок по Европе у Кавелина постепенно складывались представления о том, что наука работает на всех, что она имеет общие начала, лишь усиленные национальными традициями и местным колоритом жизни. Эту мысль, актуальную для современных ученых и преподавателей университетов, живущих в глобализирующемся мире, можно обозначить как резюмирующую текст статьи.

Список литературы

1. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Изд. 2-е. Париж: YMSA-PRESS, 1955. 279 с.
2. Кавелин К.Д. Замечания на проект общего устава императорских российских университетов // К.Д. Кавелин. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 227–240.
3. Кавелин К.Д. Извлечение из письма от 4-го марта (16-го) октября 1863 года из Парижа // К.Д. Кавелин. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 214–226.
4. Кавелин К.Д. Извлечение из письма от 25-го марта (6-го) апреля 1863 года из Тюбингена // К.Д. Кавелин. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 71–91.

5. Кавелин К.Д. Свобода преподавания и учения в Германии // К.Д. Кавелин. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 5–70.
6. Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов // К.Д. Кавелин. Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 92–212.
7. Корсаков Д.А. Из жизни К.Д. Кавелина во Франции и Германии в 1862–1964 гг. (По его переписке за это время) // Русская мысль. М.: Тип. И.Н. Кушнерова и К, 1899. Кн. V. С. 26–43.
8. Михайлова Е.Е. К.Д. Кавелин: Заграничные поездки и встречи как способ научного сотрудничества // Вече: Ежегодник русской философии и культуры; СПб.: СПб. философское общество, 2021. С. 48–59.
9. Malinov A.V., Rybas A.E. Contemporary Russian philosophy: an experience of anthology // RUDN Journal of Philosophy. 2022. Т. 26. № 1. С. 211–220.

K.D. KAVELIN ABOUT UNIVERSITIES: IN SEARCH OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL IDENTITY

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

Foreign trips of the Russian historian and public figure of the second half of the 19th century K.D. Kavelin are considered as a manifestation of academic mobility and, at the same time, as a search for scientific and educational identity. Studying the activities of French, German, Swiss universities, Kavelin sought to collect material that could enrich the traditions of Russian universities. It is concluded that the information received by the Russian scientist-envoy was important in several perspectives. Firstly, the view «from outside» made it possible to discover new scientific and educational forms of university activity. Secondly, close acquaintance with foreign colleagues helped to gain a sense of belonging to the scientific and professorial community. Thirdly, the view «from the inside» contributed to a critical reassessment of previously borrowed ideas.

Keywords: *K.D. Kavelin, science, education, identity, foreign trips, university.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Professor, of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru